

Павел Лукин

**Письмена и Православие.
Историко-филологическое
исследование `Сказания о
письменах` Константина
Философа Костенецкого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П12

- П12 **Павел Лукин**
Письмена и Православие. Историко-филологическое исследование `Сказания о письменах` Константина Философа Костенецкого / Павел Лукин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 374 с.

ISBN 5-7859-0220-6

Книга посвящена одному из самых необычных и трудных для изучения памятников средневековой южнославянской книжности, за которым еще со времени И.В. Ягича утвердилось значение одного из главных источников сведений о книжной и книжно-языковой культуре православных славян в эпоху Средневековья. Основной предмет исследования, имеющего ярко выраженный междисциплинарный характер, — представления Константина Костенецкого о происхождении, природе и достоинстве церковнославянского языка и письменности. Подробно обсуждаются вопросы об отношении этих представлений к византийско-православной культурной традиции в целом и к доктрине и практике византийских и славянских исихастов XIV в., в частности. Приводится целостный очерк жизни и творчества Константина Костенецкого в контексте византийско-славянской истории и культуры в период утверждения османского владычества на Балканах. Книга рассчитана на специалистов в области истории, истории культуры и истории литературно-книжного языка в ареале Slavia Orthodoxa в эпоху Средневековья.

ISBN 5-7859-0220-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Моей семье

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга представляет собой попытку разрешить один из наиболее важных и, в то же время, наиболее сложных и даже запутанных (как мы постараемся показать) вопросов, которые ставит перед современной исторической и филологической наукой творческое наследие выдающегося средневекового сербского книжника болгарского происхождения Константина Философа Костенецкого. Воздержимся, однако, от того, чтобы сразу назвать этот вопрос и раскрыть перед читателем его суть. Прежде скажем несколько слов о самом Константине и его творчестве.

В истории того явления, которое в современной историко-филологической литературе принято называть средневековой православной славянской общностью (*Slavia orthodoxa*), жизнь и творчество Константина могут составить один из самых захватывающих и многозначительных эпизодов. Родившийся в конце XIV в. в Тырновской Болгарии, там же (в знаменитом Бачковском монастыре) овладевший основами церковнославянской грамоты у одного из учеников выдающегося болгарского книжника и последнего Тырновского патриарха Евфимия, Константин уже в юности оставил свою родину, захваченную османами, и переехал в соседнюю Сербию. В то время Сербия не только сохраняла свою политическую самостоятельность, но даже переживала последний (перед османским завоеванием) расцвет своей средневековой культуры. С Сербией и оказалась связана вся дальнейшая жизнь Констан-

тина (насколько мы ее можем себе сегодня представить). Здесь он был принят под покровительство и, по всей видимости, на службу тогдашним сербским государем деспотом Стефаном Лазаревичем (1389—1427 гг.). Здесь же возникли и все известные в настоящее время его произведения—оригинальные и переводные.

Таким образом, творчество Константина не вмещается в рамки только болгарской или только сербской средневековой книжной и вообще культурной традиции. Напротив, оно имеет специфически православный славянский или, лучше сказать, церковнославянский характер и в этом отношении представляет собой прямое следствие (и свидетельство!) того духовного и культурного единства, которое в пределах средневекового византийско-православного мира (в терминах Д. Оболенского—«Византийского содружества»¹) образовывали народы, пользовавшиеся церковнославянским в качестве литературно-книжного языка².

Кроме того, совпадая по времени с заключительным этапом османской экспансии на Балканах, творчество Константина для обеих культурных традиций: и сербской (существенной и неотъемлемой частью которой оно является), и болгарской (к которой оно восходит через посредство учителей Константина в Бачковском монастыре)—приобретает значение своего рода подведения итогов. Поскольку в этом творчестве должно было быть тем или иным образом засвидетельствовано, с одной стороны, то, чего обе эти традиции реально достигли в ходе своего предшествующего развития. С другой стороны—то, что было ими только намечено, предуготовлено, но так и не осуществилось, оставшись невостребованным в условиях многовекового османского владычества над историческими сербскими и болгарскими землями.

Все это, вместе с некоторыми другими обстоятельствами (такими как, например, естественный интерес к Константину

¹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453 AD. London, 1971.*

² Подробнее о церковнославянском языке как о метаэтническом общем литературно-книжном языке православных славянских (и не только славянских) народов в эпоху Средневековья см., в частности: *Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34—52, 128—140, 164—173 и др.*

как к одному из сравнительно немногих известных нам по имени творцов средневековой православной южнославянской культуры), на протяжении уже полутора веков делает его творчество, жизненный путь и самую личность предметом пристального внимания со стороны исследователей самых разных специальностей: историков, литературоведов, лингвистов и др.

Как таковое, имя Константина Костенецкого³ стало известно ученому миру еще в 40-е гг. XIX в. благодаря открытию П. Шафариком и В. И. Григоровичем (независимо друг от друга) первых списков т. н. «Словес вкратце» — краткого руководства по церковнославянской орфографии, которое, как следовало из его полного названия, было «избрано» из некоей книги Константина Философа Костенецкого, бывшего учителя сръбского в дни благочестиваго Стефана деспота — господина сръблемъ⁴. Время, на которое пришлось это открытие, было временем напряженных и при этом все более и более успешных археографических поисков, когда достоянием науки, один за другим, становились все новые и новые памятники средневековой православной славянской книжности. Так что не удивительно, что уже в 1869 г. Дж. Даничич опубликовал первые сведения о той самой «книге Константина Философа Костенецкого», из которой были «избраны» «Словеса...», и

³ Сразу отметим, что, передавая прозвище Константина как «Костенецкий» (а не «Костенецкий» или «Костеньчский», как это по большей части принято в русскоязычной научной литературе), мы следуем примеру и указаниям И. И. Калиганова. — *Калиганов И. И.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII в. М., 1997. С. 182 прим. 2.

⁴ *Кув К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенеcki. Изследване и текст. София, 1986. С. 244 (Трескавецкий список).

П. Шафарику, судя по его письму к А. Х. Востокову, один из списков «Словес...» был известен еще в начале 1840-х гг. (*Francev V. A.* Korespondence P. J. Šafaříka. Vzájemné dopisy P. J. Š. s guskými učenci. 1825—1861. Č. 2. Praha, 1928. S. 964—965). Однако заслуга первого печатного сообщения об этом памятнике и первой публикации его текста принадлежит все же именно В. И. Григоровичу, который открыл два списка «Словес...» в 1845 г., во время своего знаменитого путешествия по европейским владениям Османской империи. — *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 186, 189; *Он же.* Статьи, касающиеся древнего славянского языка. Казань, 1852. С. 31—52.

даже привел в своей статье пространные извлечения из ее текста⁵. Несколько раньше стало известно еще одно сочинение этого «Константина Философа» — составленное им житие сербского деспота Стефана Лазаревича, которое, будучи издано по различным спискам А. Н. Муравьевым, А. Н. Поповым, Я. Шафариком и И. В. Ягичем (соответственно в 1856, 1869, 1870 и 1875 гг.)⁶, привлекло к себе всеобщее внимание со стороны исследователей и просто любителей славянских древностей благодаря своим совершенно исключительным достоинствам литературного памятника и исторического источника⁷. Историю открытия (в узком значении этого слова) жизни и творчества Константина завершило в 1895 г. издание И. В. Ягичем полного текста «Сказания о письменах» — как, собственно, и называется та «книга Константина Философа», об открытии которой сообщил Дж. Даничич⁸. Впрочем, к тому времени и без этого уже не оставалось сомнений в том, что в лице Константина наука встретила с одним из самых выдающихся и самых своеобразных деятелей средневековой православной южнославянской культуры⁹. В свою очередь, со всей возможной в то время полнотой это обстоятельство было раскрыто в известной книге П. А. Сырку о литературных и культурных связях болгар и сербов в XIV—XVII вв.¹⁰

⁵ *Daničić Đ.* Knjiga Konstantina Filozofa o pravopisu // *Starine*. 1869. Knj. 1. S. 3—47.

⁶ *Jagić V.* Константин Философ и његов живот Стефана Лазаревића, деспота српског // *Гласник*. 1875. Књ. 42. С. 223—328; *Шафарик Ј.* Живот деспота Стефана Лазаревића, великог кнеза српског // *Гласник*. 1870. Књ. 28. С. 362—428; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 92—130; *Муравьев А. Н.* Жития святых. Декабрь. СПб., 1856. С. 262—314.

⁷ См., например: *Stanojević St.* Die Biographie Stefan Lazarevits von Konstantin dem Philosophen als Geschichtsquelle // *Archiv für slavische Philologie*. 1896. Bd. 18. S. 409—472.

⁸ *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // *Исследования по русскому языку*. Т. 1. СПб., 1885—1895. С. 383—487.

⁹ См., например: *Попруженко М. Г.* Из истории литературной деятельности в Сербии в XV веке: Книги Царств. Одесса, 1894. С. 7—12 и др.

¹⁰ *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар с сербами в XIV—XVII вв. (= Сб. ОРЯС Имп. АН. Т. LXXI. № 2). СПб., 1901.

С тех пор прошло уже около 100 лет, на протяжении которых Константин Костенецкий и его творчество продолжали пользоваться неослабевающим вниманием со стороны нескольких поколений славистов. Результаты выполненной ими работы — очень значительны. Прежде всего, за это время существенно пополнились наши знания относительно объема и характера творческого наследия Константина. Так, в частности, были выявлены выполненные им переводы с греческого, в т. ч. — перевод Толкований Феодорита Кирского на библейскую книгу Песнь Песней. Предположения о вероятном авторстве Константина были высказаны в отношении еще целого ряда переводных церковнославянских памятников разного рода. Напротив, полное подтверждение получила принципиальная правота И. В. Ягича, который в свое время решительно отказывался включать в число произведений Константина «Словеса вкратце» (несмотря на то, что именно «Словеса...» и открыли для науки сам факт его жизни и творчества). Кроме того, произведения Константина — оригинальные и переводные — стали предметом многочисленных специальных исследований разного рода (текстологических, литературоведческих и т. д.), среди которых необходимо особо отметить работы К. Ф. Радченко¹¹, С. П. Розанова¹², Р. Марича¹³, И. Дуйчева¹⁴, Б. Ангелова¹⁵, Х. Бирнбаума¹⁶, Дж. Трифуновича¹⁷, М. Тихо-

¹¹ *Радченко К. Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898. С. 281 и сл.

¹² *Розанов С. П.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и русский Хронограф // Изв. ОРЯС Имп. АН. Т. XI. СПб., 1906. С. 62—97.

¹³ *Марич Р.* Трагови грчких историчара у делима Константина Философа // Глас. 1946. Књ. 160. С. 13—43.

¹⁴ *Дуйчев И.* За книжовното творчество на Константин Костенечки // *Дуйчев И.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 241—248 (= ИИБЛ. 1954. Кн. 2. С. 223—231).

¹⁵ *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. 2. София, 1967. С. 162—230.

¹⁶ *Birnbaum H.* Byzantine Tradition Transformed: The Old Serbian Vita // Aspects of the Balkans. Continuity and Changes. Ed. by H. Birnbaum and S. Vryonis, Jr. The Hague—Paris, 1972. P. 243—284.

¹⁷ *Трифунувих Ђ.* Песма над песмама у преводу или у редакцији Константина Философа (Костенечког) // ТКШ. 1974. Кн. 1. С. 257—261; *Он же.* Тумачење Песме над песмама од Теодорита Кирског у преводу Константина Философа // Зборник за славистику. 1971. Књ. 2. С. 86—105.

вой¹⁸, Г. Петкова¹⁹, Г. Сване²⁰, Х. Гольдблатта²¹, Н. Георгиевой²², А.-М. Тотомановой²³ и др. Закономерным и достойным итогом этой многолетней работы по изучению творческого наследия Константина стало издание собрания его сочинений, подготовленное К. Куевым и Г. Петковым и увидевшее свет в 1986 г.²⁴

В свою очередь, научные разыскания в области творческого наследия Константина позволили с большей или меньшей уверенностью и полнотой восстановить его жизненный путь, представить черты его личности, высказать суждения и предположения разного рода относительно того места, кото-

¹⁸ Тихова М. М. Езиковостилни особености в творчеството на Евтимиевите преемници Григорий Цамблак, Константин Костенечки и Йоасаф Бдински. Автореферат дисс. ... «кандидат на филологическите науки». В. Търново, 1975.

¹⁹ Петков Г. Въпросът за двете редакции на «Сказание за буквите» от Константин Костенечки // ТКШ. 1980. Кн. 2. С. 225—229; *Он же*. Из литературната история на текста «Сказание за буквите» от Константин Костенечки // Трудове на Великотърновски университет «Кирил и Методий». Т. X. Кн. 1. В. Търново, 1974. С. 491—511.

²⁰ Сване Г. Константин Костенечки и его биография сербского деспота Стефана Лазаревича // Славянские культуры и Балканы. Т. I. София, 1978. С. 321—339.

²¹ Goldblatt H. Orthography and Orthodoxy. Constantine Kostenečki's Treatise on the Letters (Skazanie izъjavljennо о pismenex). Firenze, 1987; *Он же*. Константин Костенечкий и славянский тезис о преемственности апостольства: К вопросу о тематическом ключе в «Сказании изъявленном о письменах» // II Международен конгрес по българистика. София, 23 май — 3 юни 1986 г. Доклади. Т. II. София, 1987. С. 166—176; *Idem*. The Church Slavonic Language Question in the XIVth and XVth Centuries. Constantine Kostenečki's «Skazanie izъjavljennо о pismenex» // Aspects of the Slavic Language Question. Ed. by R. Picchio and H. Goldblatt. Vol. 1. New Haven, 1984. P. 67—98. *Idem*. On Church Slavonic Grammatical Terms and Their Greek Counterparts in the XIVth and XVth Centuries // IJSLP. 1982. Vol. 25—26. P. 173—186.

²² Георгиева Н. Житието на Стефан Лазаревич от Константин Костенечки и царската словесна иконография през XV век // Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. Научна сесия, организирана от Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий» и Българската археографска комисия. София, 19—21. X. 1992. София, 1993. С. 161—180.

²³ Тотоманова А.-М. Некоторые наброски к толкованию «Сказание изъявлено о письменах» Константина Костенечского // Aion Slavistica. Annali dell'Institutо universitario Orientale di Napoli. 1994. Vol. 2. P. 83—92.

²⁴ Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986.

рое его творчество занимает в истории средневековой православной южнославянской культуры. Эти, а также другие вопросы были рассмотрены в монографиях Ю. Трифонова²⁵ и К. Куева²⁶, очерке В. Киселкова²⁷, соответствующих разделах обобщающих трудов по истории средневековой болгарской и сербской книжности, изданных М. Кашанином²⁸, Д. Богдановичем²⁹, Д. Петкановой³⁰. Добавим, что в самое последнее время краткие очерки жизни и творчества Константина, подготовленные И. И. Калигановым и Л. К. Гаврюшиной, были опубликованы в составе соответствующих разделов первого тома фундаментальной «Истории литературы западных и южных славян»³¹.

У нас нет возможности назвать, а тем более рассмотреть сколько-нибудь подробно все работы последних десятилетий, так или иначе связанные с изучением жизни и творчества Константина. Вероятно, все это было бы целесообразно предпринять в рамках самостоятельного историографического исследования³². Мы же ставим перед собой иные задачи. Однако эти задачи как раз и обязывают нас отметить то, что среди этих работ одно из наиболее заметных мест занимают такие, которые в то же время связаны и с историей средневековой

²⁵ Трифонов Ю. Живот и дейност на Константин Костенецки (= Списание на БАН. Кн. LXVI—5). София, 1943.

²⁶ Кижев К. Konstantin Kostenecki w literaturze bułgarskiej i serbskiej. Kraków, 1950.

²⁷ Киселков В. Сл. Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956. С. 266—303.

²⁸ Кашанин М. Српска књижевност у Средњем веку. Београд, 1975. С. 394—423.

²⁹ Богдановић Д. Стара књижевност (= Историја српске књижевности. Књ. 1). Београд, 1991. С. 184—188 (= Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С. 214—218).

³⁰ Петканова Д. Старобългарска литература. IX—XVIII век. 2 пре-раб. изд. София, 1992. С. 454—465.

См. также: Куев К. Константин Костенецки // История на българската литература. Т. 1. София, 1962. С. 315—325.

³¹ Калиганов И. И. Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII в. М., 1997. С. 182—185; Гаврюшина Л. К. Сербская литература // Там же. С. 225—229.

³² Библиографию основных публикаций, посвященных Константину Костенецкому и его творчеству, см. в работах: Петканова Д. Старобългарска литература... С. 595—596; Petrović D. Konstantin Filozof // Lexikon pisaca Jugoslavije. Т. 3. Novi Sad, 1987. С. 238—241.

книжной и, в частности, языковой культуры православных болгар и сербов, да и вообще всей средневековой православной славянской общности в целом. И которые, следовательно, в качестве первоочередного и главного объекта для исследования предполагают именно «Сказание о письменах» — ту самую «книгу Константина Философа Костенецкого», из которой были «избраны» упоминавшиеся выше «Словеса вкратце».

Уточним, что речь идет прежде всего о тех работах, авторы которых ставили перед собой следующие задачи. Во-первых, проанализировать содержащийся в «Сказании...» рассказ Константина Костенецкого о деятельности Константина-Кирилла Философа и его соратников и о возникновении церковнославянского языка и письменности (А.-Э. Тахиаос, Г. Петков, И. Харалампиев, Д. Чешмеджиев)³³. Во-вторых, определить значение «Сказания...» (и вообще всей той учительно-полемической деятельности Константина, в ходе которой оно возникло) для обновления орфографии и графики сербской церковнославянской письменности в конце XIV — начале XV в. (О. Неделькович и др.)³⁴. В-третьих, реконструировать ту засвидетельствованную в «Сказании...» совокупность представлений Константина о происхождении, природе и достоинстве церковнославянского языка и письменности, которую можно было бы назвать его языковой идеологией, определить ее «теоретическую», доктринальную (т. е., по условиям того времени, богословскую), основу, а также применить полученные в ходе этой работы конкретные результаты и сведения

³³ Чешмеджиев Д. Към въпроса за състоянието на Кирило-Методиевската идея през XV век // Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. Научна сесия, организирана от Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий» и Българската археографска комисия. София, 19—21. X. 1992. София, 1993. С. 129—136; Чешмеджиев Д. Constantine Kostenečki de l'origine de la langue de Cyrille et Méthode // ЕВ. 1991. № 3. Р. 52—64; Харалампиев И. Константин Костенеcki и Григорий Цамблак за делото на Константин-Кирил Философ // Константин-Кирил Философ. Сб. ст. София, 1981. С. 188—197; Петков Г. Взгляды Константина Костенецкого на литературный язык славянских народов // РВг. 1980. № 1. С. 92—99; Tachiaos A.-E. N. L'Œuvre littéraire de Cyrille et de Méthode d'après Constantine Kostenečki // Balkan Studies. 1973. Vol. 14. № 2. Р. 293—302.

³⁴ Неделькович О. Правопис Ресавске школе и Константин Философ // Српска књижевност у књижевној критици. Књ. 1. Стара књижевност. Приредио Ђ. Трифуновић. Београд, 1965. С. 467—473.